

С-85 Кр
12,732

СЕРГЕЙ СТРЕБОЖИЧ

БЫЛА
РАБОТНИЦА

ВОЛОГДА

Чудище облезлое, грохочущее медью,
С луетическим носом, заросшим рубцом,
Гонит человечество шелестящей плетью.
Наше вам почтение! Девять с огурцом!

Дураки безхвостые лезут в драку стадную,
Плача о насилии, к небу вопия.
Кто изменит силою участь безотрадную?
Держат их в наморднике лапы холоя.

Обнаженные ноги, обнаженные груди.
О, проклятые люди, звери—не люди.

Вы низринули в холод черных могил
Ту, которую нежно я так любил.

Стали все равнодушны, стали жестоки.
Угас навеки взор сероокий.

Душа, как голубка, умчалась вдаль.
О сердце, оборонься в блестящую сталь!

Стою я, печальный и безслезный Тиртей.
Много было ранений, много было смертей.

Лиловыми зловещими цветами
Поросло золотистое небо.
Настала година гнева.
Не станет земле согрева.
На нивах не родится хлеба.
Бог ли чорт на небе? Смилуйся над нами!

Рати звериные рыщут лесами.
Огонь пожирает селенья.
Люди оголились, иссохли телом.
Моются сажей, питаются мелом.
Звезды хвостатой в ночи явленье.
Подлый и жестокий! Смилуйся над нами!

К югу пророки идут толпами,
Вопят и дикуют при народе усталом.
Труб голосистых чудится глас.
Близится, близок возмездия час.
Земля опожарится пламенем алым.
Не надо нам неба! Справимся и сами!

Широко бегут по полям межи,
Убиенных рать по краям положи.

Угрюмится мать. Веселая женка
Ждет у окна. Качает ребенка.

Крест в котловине кривой белест.
Отец родной в могиле тлеет.

Вскинуты рельсы, щетинится остов вагона
С клеймами литыми.

Мертвые окна зияют над грязью - перрона
Стеклами битыми.

Труп переломленный кинут в дрезину.
Торчит калоша,
Тычется мордой кровавою в спину
Слепая лошадь.

Веет безшумно. Колышутся тени
В заросли зыбкой вянущих ив.
Полымем пышет пожара прилив,
К выси небес золотые ступени.

Галочий говор с пылающих рош
Гонит усталость и скуку.
Ухо сторожко ловит по звуку
Дальних орудий железную мощь.

Стонет земля. Мотылек бархатистый
Тычется телом мохнатым в лицо.
Сонного луга стальное кольцо
Тошит туман серебристый.

Сны neodольно рассветом сугубы.
Чу! Загудели призывные трубы.
Грянули пушки навстречу врагам.
Эхо бежит по далеким дугам.

Градом железным в деревьях шуршит.
Вязко, бессильно немее нога.
Битва упорна, кровава, долга.
Мертвый на мертвом лежит...

Плыло облако к белой заре.
Плакал дрозд—пересмеш на горе.

У халупы дымился костер.
Трупный запах с окопов остер.

За горой золотился огонь.
Насторожился около конь.

И из медного улья стальной
Пчел рассыпался жалящий рой.

В небе визг. Зашуршала трава.
То упала с коня голова...

Напились Парки допьяна кровавого вина,
Без устали, со злобою хохочет сатана,

И, миром помазуемый, пред глупою толпой
Зовет он за коронами и скипетрами в бой.

Под сенью многолиственной коряжистых
дубов.

Ощерились зиянием подобия гробов.

Во тьму потустороннюю распахнутая дверь.
Нам холодно, нам голодно, недужны мы
теперь!

Гримасу чреву матери состроил сатана.
Сугубым любострастием душа напоена.

И ядом пенно бешеным совокупленье слов—
Безмыслие, бессердие, безволие ослов.

Зима сияньем инея страду земли сотрет.
Бесовский за распутицу минует хоровод.

Лишь смерть одна, печальница о мире для
миров,

Сокроет ужас стаявший в зияниях гробов.

Уныло улыбается на солнце сатана.
В снегах отогревается страдалица страна,

Стонет земля голосами усталыми.
Костлявая маячит рука.
Прыгает дорогами алыми
Тусклое пятно огонька.

Над уступом бугра нагибается
Траурная сестра.
Буйный бурьян разрастается
У прошлогоднего костра.

В гулкой ложбине палатки.
Алое к ним несут.
Приговор будет краткий,
Но... долгод суд...

Над окопом каска светит острием.
Вскинем, стукнем, щелкнем и убьем.

Ствол шипит, от стрельбы накален.
Что за корысть, коли мертвый он?

«Хлеба, рус, дай»,—вчера лопотал.
Свинец вместо хлеба в горло попал.

Глянешь по траншее. Забирает грусть.
Видно, от смерти не уберегусь.

Скука одолест. Гляну за окоп.
Жертвою наметит лукавый перископ.

Щелкнет курком невидимый враг.
Труп мой отодвинет сменный земляк.

Луна, как печальная девушка,
Что плачет по милом войне.
Студится в окопе Глебушка—
Поплачешь, станешь покойнее.

Ручьется кровь вечеровых ран.
Костенеет рука с винтовкою.
Обнять бы стройный, милый стан—
Девичьей рукой неловкою.

Вспомни в роще соловий чок!
Я жду тебя, пылающая!
Немею я, и ты—молчок.
Немест заря догорающая.

На заре дозорной в трубу заиграл.
Повстаньте, братья, под высокий вал!
Утро румяное умыто росой.
Смерть—великавица машет косою.

Визжит и стонет лукавая картечь.
Кому ко полудню душу сберечь?
Борется с ветром догорающий костер.
Лежит в окопе Глебушка, руки распростер.

Бродит сон легохонько по навьей тропе.
Эхо отзывается дозорной трубе.
Спит мой Глебушка, не дышит со сна.
Аленькая ямочка на темени видна.

Медное солнце полуденным жжется огнем.
В безводной, бескрайней равнине повзводно
идем.

Там перед речкой коварно прикрытый
овраг.

Высунул нос пулемет. Закопился враг.

Облако пыли завесило желтый отряд.
Глина на небе присохла. Песчинки на зубе
хрустят.

Выжжена напусто дьявольским жаром трава
Дрема долит. И свинцом налита голова.

Руки бессильно сжимают винтовки при-
клад.

Клеится потом защитно покройный наряд.
Щелкнуло слева. Метнулась пуля. Упал.
Зайдем к оврагу в каске разведчик бежал.

Токнуло в сердце. Вдали зеленеет гора.
Вспыхнуло пламенем в воздухе громко «ура».

Рассудок скрипит на железных винтах
И сердце сжимает до боли.
Бессильное тело в кровавых бинтах.
Товарищ! Тебе помогло ли?

Как-будто тревожно ресница дрожит?
И ус опустился безвольно?
И тонкая струйка по марле бежит.
Товарищ! Тебе, ведь, не больно?

Рука обирает кровавую ткань.
Вы! Духи безумных пожарниц!
Примите ж от мира почетную дань.
Не больно? Не больно, товарищ?

О, ярое солнце! О, звезды в ночи!
Любил я вас сердцем поэта.
Чу! Щелкают ловкие гулко бичи.
А! Пара коней и карета...

Прямую дорогой на бой посвещи.
Возница! Прямой! Не окольной!
Единой дорогой великой души.
Теперь мне, товарищ, не больно.

Рано в весну зацветают лугом травы.
Рано в весну опускают люди главы.
Что ни цвет огнем пылает совесть.
Как кумач алы, кровавы, то-есть.

Вы рудую лили кровь на поруганье.
Вам взошли цветы в папоминанье.
Не сини, не желты, а багряны,
Как солдат убитых раны.

От потопа знак спасенья семицветен
Ноем праотцем молитвой жаркой сретен.
Знак спасения от бойни небывалой
Миру грешному—цветок кроваво-алый.

Грядями пахоти чернеют —
Там под капусту, там под морковь.
По-волчьи воины звереют,
Забыв беспечную любовь.
Тела кровавые мертвеют.
Над оком тусклым стынет бровь.

Вся жизнь разбита на квадраты—
Там под капусту, там под морковь.
Уста лобзать стремятся брата.
Рука пролить готова кровь.
Весь мир оплатит бойни траты—
И за капусту и за морковь.

А на вечернем небосклоне
Горит багряная звезда.
Найден исход в зверином стоне,
Птенец валится из гнезда.
А ветер тучи в небе гонит...
И яснит красная звезда...

Поле и небо—дома молитвы
В раздумчивый зимний день.
Полны невода кровавой ловитвы,
Гарь горька нагих деревень.

Стеглянно ясен край небосвода.
Лес частоколом уперся в закат,
Ближе канун заветного года,
Ближе безумства бесовского спад.

Сабли иззубрены, пушки забиты,
Штык переломлен, ружье сожжено.
Сколько невинных в бою сражено?
(Числа и меры живыми забыты).
Помнят одни лишь могильные плиты!

Устали пажити. Осенним частоколом
Дыбятся озими. И стелется туман...
Зари потухшей мертвенный обман
Пятнает облака над полусонным долом.

В окопе брызжет кровь. И пули воют дико.
И землю чмокают, воронкой пыль вия.
Висит, как маятник, на нитке жизнь моя.
И глушит шум в ушах надорванные крики.

А в замке лорд при выборе перчаток
Мечтательно следит известия войны.
Кто в красной сетке смертной пелены?
Кто первый обнажит искомых дней початок?

И обнаружит ложь и завоюет мир?
А воздух осени и холоден и сыр...

Вереница мертвецов, вереница.
Кости, ребра, черепа, лики, лица.

Наполняют тьмой густою поле битвы.
Голосами стонут тонко, тоньше бритвы.

Посреди, звеня цепями золотыми,
Встали дьяволы, закутанные в дыме.

Бросьте кости! Где орлы, где решки?
Офицеры впереди, сзади пешки.

И в разгуле тьмы осенней непогоды
Водят мертвые ночные хороводы...

Ты, пляши, пляши, протезная нога!
Открывайся для народа балаган.
Объявил, лонись, сердешной царь войну.
Показать людям хотелось — фу-ты-ну.

По шеям в набор погнали господу.
Разбежались офицеры кто-куда.
Мы босые, мы без ружей... А зимой...
Было жарко от прикладов, ой, ой, ой!

За границей бетонирован окоп.
Как лудил он нас оттуда — хлоп да хлоп.
Бил, задергивал, крутил, давил, вертел.
Мы попали, как тетери на вертел.

Как зачокал по равнине пулемет.
В саду ягода-малина, чистой мед.
Низко взяли. Так, спасибо, наш отряд
Под чистую без единых ног лежат.

Подобрали, отвезли нас в лазарет.
Прописали, что на нет суда и нет.
Ты пляши, пляши протезная нога.
Ты как память о войне, мне дорога.

Рушится крепость. Редеют ряды.
Небо смывает позора следы.
Воздух взволнован. Немеет испуг.
Вой с грохотаньем, с посвистом стук.

Кружевом вспененным высился храм,—
Стекла звенят, трепетание рам.
Радостью роспись руин создана—
Сыплется серой известкой она.

Миг... Уходящий за облако шпиль
Рухнул.. Да здравствует воинский стиль!
Пыли и щебня забился фонтан.
Город сквозит пустотелостью ран.

Чудищу имя почтенно... „Война“.
Кружит по свету безумства волна...

Весело мчитесь, бойцы!
Грабьте владенья богатых!
Крась небеса в багрецы!
Войны несите в дворцы —
Миром утишите хаты.

Близятся страшные дни.
Эй, богачи, на колени!
Что вы застыли, как пни?
Вспыхнут восстанья огни...
Богопочтенного сменим.